

А. БАЛАНЧИВАДЗЕ:

«...и собственным голосом выразить время»

СРЕДА, 2 ИЮНЯ, 1 ПРОГРАММА, 13.15;
1 «ЗС» — 9.15; 1 «ВС» — 13.15; 1 «ДВ» — 7.15

У него есть и симфонии (Первая появилась в 1944 году — Государственная премия СССР; Вторая — в 1959-м); и балеты, и оперы, и четыре концерта для фортепьяно с оркестром (за Второй — Государственная премия СССР 1947 года; за Четвертый — Государственная премия Грузинской ССР имени Ш. Руставели), и симфонические картины, и фортепьянные пьесы, и музыка для театра, для кино (более чем к двадцати фильмам), но избранный жанр выделять все же можно — это прежде всего фортепьянная музыка. И он сам об этом говорит:

— Я ведь еще и пианист, по классу фортепьяно закончил Ленинградскую консерваторию, учился у Марины Вениаминовны Юдиной... И музыка фортепьянная не случайно меня продолжает интересовать. Мне вообще по душе область симфонизма, особенно сейчас, когда за плечами годы, когда нанюхалось то, что мы называем человеческим и профессиональным опытом, когда есть чем поделиться с другими...

— Андрей Мелитонович, кого вы еще могли бы назвать своим учителем?

— В Грузии я учился у Ипполитова-Иванова, потом в Ленинграде, после юдинского фортепьянного класса, уже по классу композиции — у Житомирского... Конечно, моим первым учителем был отец. Грузинский фольклор — это в большой мере от него. И еще: отец был учеником Римского-Корсакова, так что через него я мог почувствовать идеи великого русского композитора. Как видите, мои музыкальные университеты довольно традиционные. В годы ученичества вокруг меня появились новые школы, но я никак не увлекся...

— А теперь вот у вас и свои ученики, уже известные композиторы...

— Да, преподавательскую работу, начатую еще в 1937 году, я не оставляю. Из своих учеников мне хотелось бы назвать Р. Лагидзе, А. Чимакадзе, О. Тевадордзе, А. Шаверзашвили... Они авторы и популярных песен, успешно работают они и в крупных жанрах.

— Музыкальная критика часто отмечает некую стилистическую схожесть ваших сочинений (ну хотя бы 12 пьес «Романтического цикла», появившегося недавно) с музыкой Шуберта, Шопена, Грига, Листа, Скрябина...

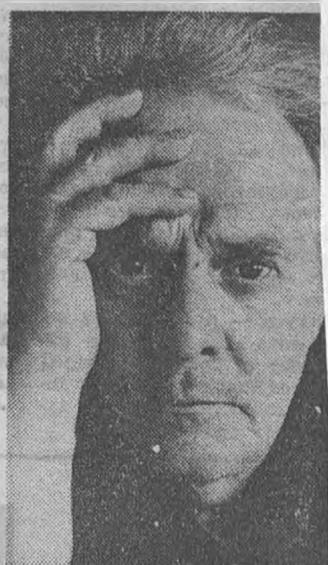
— Я не стал бы возражать. Мне очень близок стиль композиторов-романтиков... Но, как вы сами понимаете, истоки моей музыки — в Грузии, в творчестве моего народа, а это, мне думается, шире стили, потому что в этом — уже основа, уже содержание моей музыки... Знаете, я часто беседую со своими учениками о национальных истоках творчества и в разговорах этих совершенно искренне,

безо всякого менторства и поучительства сокрушаюсь по поводу того, что некоторые нынешние молодые сочинители теряют в своем творчестве эти вот национальные приметы, в конечном счете теряя свое лицо. Я понимаю, что новая жизнь подсмывает и новые формы. Современный композитор обязан знать и современные средства, но ведь иной раз именно на средствах все и заканчивается. Есть, например, достижения и у додекафонии, открытой Шёнбергом, но эти открытия — всего лишь технология, всего лишь формальный метод... Ведь вот что предлагает нам «новая школа»: атональность (лишить музыку цвета!), мелодию (лишить музыку главного средства выражения — души!), ритмику (оставить музыку без живого пульса!)... Я уже не говорю о том, что появляется сейчас и такое чудовище, как «немузыка» (выходят на сцену музыканты и делают вид, что играют а в зале сидит публика и делает вид, что слушает, а потом хлопает в ладоши, дескать, заслушалась власть — спасибо). И что же получается? Все «новое» похоже друг на друга, как серийный товар. Все «новое» тут же становится старым. И тогда «авангардист» бьет себя в грудь и трагически декларирует: «Меня не понимают!» Да все тут понятно!.. Иной раз наной-нибудь молодой сочинитель так «испугается великой тени классика», что из одной крайности, из подражательства, впадает в другую — в псевдоноваторство. А вечным-то остается вот что: если человеку есть что сказать, то форма придет сама собой. И перед новым творческим поколением задача остается неизменной: своими глазами увидеть мир и собственным голосом выразить время... Об этом я часто завожу разговоры в печати, и на различных музыкальных встречах и форумах, потому что считаю, что прежде всего на нашем поприще старейших советских музыкантов лежит ответственность — объяснить, донести до молодых поколений их же достоинства и убедить их в том, что не зависть и «свежими силами» руководит нами, а забота.

— Недавно в музыкальном издательстве вышла партитура новой редакции вашего Первого фортепьянного концерта и готовится к выходу в свет клавир. Почему вы решили отредактировать это сочинение?

— Этот концерт — первое мое крупное сочинение, а по жанру — одно из первых в Грузии. Ну а так как все начальное не без изъянов, я решил это сочинение не столько выправить, сколько чуть очистить от некоторых эпитетических черт (в молодости ведь мы всегда кем-то сильно увлечены), от эклектизма, но, разумеется, не нарушая ни лада, ни оборотов, ни ритмики, ни орнаментов многоголосия — словом той основы, которая свойственна духу грузинской музыки. Жизнь этому концерту дал наш выдающийся пианист Лев Оборин — было это в Москве в 1937 году на сцене Колонного зала дирижировал оркестром Г. Стоярова... И теперь вот я, волнуясь, жду нового исполнителя.

— И критика и слушатели особенно выделяют в вашем

творчестве фортепьянные концерты, подчеркивая, что именно в них — своеобразие вашего почерка (я даже слышал, что четыре ваших концерта стали темой одной из кандидатских диссертаций). Не могли бы вы сказать несколько слов о сравнительно недавнем вашем сочинении — Четвертом концерте для фортепьяно с оркестром, который до сих пор с большим успехом исполняет у нас в стране и за рубежом пианист А. Черкасов?

— Замысел концерта созрел давно, но его содержание наплачивалось долго, потому что главной темой этого программного сочинения должна была стать тема моей родной Грузии. Здесь нужно было высказать так много, что только от одних мыслей кружилась голова. Как, скажем, объяснить любовь и сердцу Грузии — и Карли, и перевозчанной красоте моего народа; как выразить коварную, диную мощь Сванских гор и смелый, гордый дух сванского народа; как поклоняться единению горцев с природой; как воссоздать — уже иными, симфоническими средствами — дух гурийских песен с их необычной полифонией, тишины Рионской долины, где дубы-исполины замерли в гесных рвах; как рассказать, что это такое — восход солнца в Боржомском ущелье, когда переливающиеся всеми цветами небесное светило выныривает из-под ваших ног... Там, от высокого Бануриани, летяет дорога и уходит еще выше — и люди идут еще выше, чтобы увидеть восход. Идут, встречая на пути своем девять родников, девять живительных источников, припад и которым уже знаешь: «Да, дойду!» Идти дальше, идти выше... Это идея концерта... Но я что-то уж слишком красиво стал выразяться, а музыканту это не совсем и лицу, потому что «лучше один раз услышать...».

Интервью взял
В. ГУСАРОВ

В передаче, посвященной 70-летию со дня рождения председателя правления Союза композиторов Грузии, народного артиста СССР Александра Мелитоновича Балачивадзе, прозвучат фрагменты его симфоний, фортепьянных концертов, балетов, опер и другие сочинения.

Фото ТАСС

и говорится и рассказывает
Москва, 1976, 26 июля, №23